

Е. Г. Петраш

ПРЕДЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУРГЕНЕВА

Среди самых крупных философских умов XIX века в России на Западе чаще всего выделяли писателей — Достоевского и Толстого, без конца возвращаясь к их вымышленным повествованиям как к неисчерпаемому интеллектуальному источнику. Ни Толстой, ни Достоевский, как известно, не имели философской подготовки, чего не скажешь о Тургеневе, который изучал философию в Петербургском университете, затем в Берлине и впоследствии в России сдал экзамены на степень магистра философии. Но, изучив многие философские системы, он осознал, что «...мы <Белинский и Тургенев. — Е. П.> нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто, на немецкий манер...».¹

Тем не менее «философия сыграла огромную централизующую роль в творчестве Тургенева»: ² в литературно-критических статьях, в художественных произведениях он вкладывал философские размышления в уста вымышленных лиц, которые имели что-то от него самого, хотя ему и не были тождественны. Они, эти персонажи, дополняли либо опровергали разные способы понимания мира и разные способы жизни в нем.

Безупречно образованного, тонко чувствующего Тургенева можно отнести к такому типу художника, который «мыслит образами». Его лирический по преимуществу склад ума очень часто сосредотачивается на «вечных загадках» жизни и смерти, исподволь проверяя ими все самое обыденно-повседневное, что случается в существовании отдельной, частной, неповторимой личности.

Этим своим качеством — любовью к философским размышлениям и художественному слову — он напоминает французских мыслителей,

¹ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 27.

² *Батюто А. Тургенев — романист.* Л., 1972. С. 39.

у которых расстояние между философией и литературой во все века было куда короче, чем в других культурах. От такой манеры философствования не отказались и в XX веке.

Французские экзистенциалисты, отбросив непреложность общеобязательных, строгих научных выводов, сочли необходимым обратиться к вещам, событиям, поступкам, людским судьбам как таковым, не сводимым к каким-то моделям. Их интересовало чрезвычайно бытийное (экзистенциальное), неповторимое, смертное человеческое существование.³

Будучи студентами философских факультетов, Ж.-П. Сартр, А. Камю, С. де Бовуар поняли, что «надо писать романы», чтобы «быть философом».⁴ Их современник Морис Мерло-Понти, единственный из экзистенциалистов, не испытавший себя в писательстве, тоже заявлял, что «подлинная философия заново учится смотреть на мир, и в этом смысле рассказ может открыть нам его с большей „глубиной“, чем целый философский трактат».⁵ Постепенно французские экзистенциалисты пришли к выводу, что та самая философия, которая некогда с такой снисходительностью растолковывала сочинителям, что к чему в жизни, как им следовало бы писать, вдруг сама отправляется к ним на выучку. И оказалось, что такое совмещение слова и мысли придало художественной повествовательной ткани особое качество. Их писательская деятельность возникла, по словам Сартра, из «наущной потребности вынести на подмостки ситуации, которые проливают свет на основные грани человеческого удела на земле».⁶

Объяснить тягу экзистенциалистов к писательской деятельности можно желанием философов приблизиться к человеку, стать понятнее современникам, облечь свои новые философские идеи в новую форму.

³ См.: Против современной буржуазной этики. Сб. ст. / Отв. ред. М. Г. Журавков, А. Г. Мысливченко. М., 1965; Современный экзистенциализм. Критические очерки. М., 1966; *Сэв Л.* Современная французская философия. Исторический очерк от 1789 г. до наших дней. М., 1968; *Кузнецов В. Н.* Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М., 1969; *Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С.* Классическая и современная буржуазная философия // Вопросы философии. 1970. № 12; 1971. № 1; *Ойзерман Т. И.* Главные философские направления (Теоретический анализ историко-философского процесса). М., 1971; *Ярошевский Т.* Личность и общество (Проблемы личности в современной философии — марксизм, экзистенциализм, структурализм, христианский персонализм). М., 1973; *Баталов Э. Я.* Философия бунта (Критика идеологии левого радикализма). М., 1973; *Киссель М. А.* Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л., 1976; *Тавризян Г. М.* Проблема человека во французском экзистенциализме. М., 1977.

Философские идеи Сартра рассматривались и на примере его литературно-драматургических работ. См.: *Бачелис Т.* Интеллектуальные драмы // Современная зарубежная драма. М., 1962; *Евнина Е. М.* Современный французский роман. 1940–1960. М., 1962; *Великовский С.* Путь Сартра-драматурга // Сартр Ж.-П. Пьесы. М., 1967; *Гальцова Е. Д.* Философская проза и драматургия Жана Поля Сартра // Сартр Ж.-П. Тошнота. Рассказы. Пьесы. Слова. М., 2003 (далее ссылки на это издание: *Сартр*, с указанием страницы).

⁴ *Camus A.* Carnets I (Mai 1935 — février 1942). P., 1962. P. 23.

⁵ *Merlo-Ponty M.* La Phénoménologie de la perception. P., 1945. P. XVI.

⁶ *Sartre J.-P.* Forgers of Myths // Playwrights on Playwriting. N. Y., 1961. P. 169.

«Экзистенциализм — это реакция философии человека против философии идей и философии вещей, — писал Э. Мунье, основатель французского персонализма, причислявший свое учение к экзистенциальным философиям. — Не столько существование во всем его богатстве, сколько существование человека есть первая проблема философии».⁷

Так бунт «детей против отцов» (экзистенциалистов против университетских философов) привел к радикальному изменению проблематики французской философии, превратив ее преимущественно в «философию человека». Новое поколение философов сосредоточило внимание на изучении специфического рода бытия, каким именуется «человеческая реальность»: существование человека в предметном мире, который сопротивляется воле человека, и среди других людей, которые отличаются от данного индивида и противостоят ему.⁸

«Как бы мал я ни был, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения <...>»

*Из письма Тургенева к П. Вюардо
от 7 (19) декабря 1847 г.*⁹

Изучением специфического рода бытия, каким является «человеческая реальность», занимался, как нам представляется, в своих произведениях и Тургенев. В особенности в его позднем творчестве появляются размышления о человеческой жизни как о существовании случайном и даже абсурдном, такие мысли, естественно, порождали и чувство «пессимизма». Экзистенциалистскому восприятию действительности также присуще чувство «трагизма жизни», так как экзистенциалисты переживали мучительность существования, воспринимая его случайным и абсурдным.¹⁰

Исследованием корней «пессимизма» Тургенева занимались и занимаются многие тургеноведы, примеряя всевозможные философские системы к идеям писателя. Будучи вне контекста споров со специалистами на эту тему, возьмем на себя смелость согласиться с И. И. Векслером, который предположил, что «глубочайший философский пессимизм», ярко проявившийся, в частности, в образе Базарова, — «это пессимизм самого Тургенева».¹¹ Самостоятельность философской мысли Тургенева подтверждается и другими тургеноведами. Например, по мнению А. И. Батюто, «Тургенев никогда не был последовательным приверженцем той или иной философской системы».¹² А. Са-

⁷ Mounier E. Introduction aux existentialismes. P., 1946. P. 8.

⁸ Sartre J.-P. L'Être et le Néant. P., 1943.

⁹ ПССУП(2). Письма. Т. 1. С. 377. Подлинник по-франц.

¹⁰ Это выражение ввел в моду испанский философ Мигель де Унамуно.

¹¹ Векслер И. И. И. С. Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов. Л., 1934. С. 31.

¹² Батюто А. Тургенев — романист. С. 49.

лим пишет, что «у него <Тургенева. — Е. П.> была гибкая, широкая и по-своему исчерпывающая система философских воззрений». ¹³ Следовательно, Тургенев мог осознавать значение экзистенциальных идей и размышлять о них в своем творчестве, тем самым оказываясь в ряду тех, кто был предшественником философов-экзистенциалистов.

Сопоставление некоторых философских идей Тургенева с философскими идеями экзистенциалистов позволяет предположить, что источником пессимизма как русского писателя, так и французских философов является религиозный скептицизм. Отношение к религии Тургенева достаточно внимательно изучено отечественными тургеноведами, ¹⁴ да и сам писатель вполне откровенно высказывался на эту тему. Но стоит напомнить, что только создание таких романов, как «Накануне», «Отцы и дети», дало его автору полное раскрепощение, освободило его от иллюзий христианского мирозерцания. Ведь не случайно Тургенев не привел Базарова к примирению с богом. Вспомним ту сцену в романе «Отцы и дети», когда, понимая, что он умирает, отнюдь не деликатный Базаров, не желая обидеть отца, просившего его исполнить долг христианина перед смертью, деликатно оставляет ему надежду на то, что он выполнит его просьбу. Однако в романе нет и намека на смирение главного героя, и в бессознательном состоянии «помертвелое лицо» Базарова выражало если не протест, то «содрогание ужаса»: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии. Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице». ¹⁵

Эта сцена из романа наводит на мысль о неверии самого писателя, но безапелляционность суждения в случае с Тургеневым опасна. Известно, что писатель глубоко уважал и понимал людей верующих, много размышлял о вере, но был достаточно пессимистично настроен относительно своей личной веры. Письмо к Е. Е. Ламберт, написанное им в том же 1861 году, что и роман «Отцы и дети», является одним из красноречивых примеров такого рода размышлений: «Имеющий веру — имеет всё и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что сам я принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды». ¹⁶

Такая двойственность Тургенева в вопросах веры напоминает сартровское отношение к религии. Главная особенность атеизма Сартра заключается в том, что и он, по сути, оставляет открытым вопрос о существовании или несуществовании бога: «Экзистенциализм — это не такой атеизм, который тратит все свои силы на то, чтобы доказать, что

¹³ Салим А. Тургенев — художник, мыслитель. М., 1983. С. 16.

¹⁴ См. работы М. К. Азадовского, А. И. Батюто, Г. А. Бялого, И. А. Винниковой, М. О. Гершензона, В. М. Марковича, А. Б. Муратова и других.

¹⁵ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 185.

¹⁶ Там же. Письма. Т. 4. С. 382. Письмо от 15 (27) ноября 1861 г.

бога не существует. Наоборот, он заявляет, что если бы бог и существовал, это ничего бы не изменило. Такова наша точка зрения. Это не значит, что мы верим в существование бога, — просто не в этом суть». ¹⁷ Разъясняя, в чем суть экзистенциалистского атеизма, Сартр пишет, что бог, даже если существует, не может быть творцом бытия и оказывать какое-либо воздействие на бытие. Этот свой тезис он стремится, по его словам, «продублировать» в художественном произведении.

В частности, пьеса «Мухи» (1943) как раз построена на конфликте между богом-творцом и обособившимся от него творением. Орест, главный персонаж пьесы «Мухи», говорит богу, угрожающему ему всевозможными карами: «Пусть разверзнется земля! Пусть выносят мне приговор утесы и цветы вянут на моем пути: всей вселенной мало, чтобы осудить меня. Ты — царь богов, Юпитер, ты царь камней и звезд, царь морских волн. Но ты, Юпитер, не царь над людьми». ¹⁸

Отвергая понятие бога-творца, Сартр отвергает и мысль о том, что бытие может быть создано каким-то другим бытием (на этот раз не божественным), потому что тогда пришлось бы ставить вопрос о происхождении этого второго созидającego бытия, а второе бытие, следовательно, может быть создано третьим, и так — до бесконечности. Сомнение в существовании бога-творца тянет за собой мысль и о «случайности бытия». Сартр попробовал ее выразить в «Легенде об Истине» — поэме, опубликованной в 1931 году в журнале «Бифюр». Но вскоре мысль о «случайности бытия» преобразуется в концепцию об абсурдности существования.

Художественно-философским воплощением «случайности бытия» стал роман Сартра «Тошнота» (1938). Именно ощущение случайности привело героя романа к открытию «существования», одного из тезисов философии экзистенциализма. ¹⁹

Главный герой романа — Антуан Рокантен — внезапно начинает ощущать болезненные состояния, которые сопровождаются тошнотой. Анализируя свои ощущения, Рокантен приходит к выводу, что речь идет не о каком-то телесном недуге, а о некоем кризисе его сознания. Постепенно он замечает, что все окружающие его вещи, от дверной ручки и до случайно поднятой гальки на берегу моря, находятся вне его и чужды ему. Вскоре Рокантен поймет, что такое «существование». Это произойдет однажды, когда он сидел в парке на скамье. Под ней «в землю уходил корень каштана. Но я уже не помнил, что это корень. Слова исчезли, а с ними и смысл вещей, их назначение <...> Я сидел, ссутулившись, опустив голову, наедине с этой темной, узловатой массой в ее первозданном виде, которая пугала меня». ²⁰ И тогда Антуан осознает, что именно корень каштана, его плоть, это и есть существование. С это-

¹⁷ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм. М., 1953. С. 29.

¹⁸ Сартр. С. 454.

¹⁹ Sartre J.-P. L'Imagination. P. 1936. P. 1; Sartre J.-P. L'Être et le Néant. P. 32–34.

²⁰ Сартр. С. 160–161.

го момента все предметы стали ему мешать, вещи стали «мозолить» глаза. Их существование привело его к мысли о том, что он «лишний» для этого мира: «Я смутно думал о том, что надо бы покончить счеты с жизнью, чтобы истребить хотя бы одно из этих никчемных существований. Но смерть моя тоже была бы лишней. <...> я был лишним во веки веков».²¹

Это чуждое бытие окружающего мира становится причиной неприятных ощущений для героя вплоть до того, что он отказывается от любой деятельности, в частности, от намерения написать давно задуманную книгу о маркизе Роллебоне, французском авантюристе XVIII века, ради работы над которой он приехал в этот маленький городок Бювиль. Но чем больше Рокантен изучает материалы о Роллебоне, тем меньше он понимает его поступки. Роллебон оказывается чуждым ему, как и весь вещный мир. Причину отчужденности Рокантен видит в случайности своего бытия. В дневнике он записывает: «...существование не является необходимостью. Существовать — это значит Быть Здесь, только и всего; существования вдруг оказываются перед тобой, на них можно Наткнуться, но в них нет Закономерности. Полагаю, некоторые люди это поняли. Но они попытались преодолеть эту случайность, избреть существо необходимое и самодовлеющее. Но ни одно необходимое существо не может помочь объяснить существование: случайность — это не нечто кажущееся, не видимость, которую можно рассеять; это нечто абсолютное, а стало быть, некая совершенная беспричинность. Беспричинно все — этот парк, этот город и я сам. Когда это до тебя доходит, тебя начинает мутить, и все плывет <...> вот что такое Тошнота <...>».²² Так, постепенно Рокантен находит «ключ» к своей собственной жизни, к своей тошноте.

Герою Сартра мучительно такое существование. Он предпочел бы стать вещью, но он понимает, что это невозможно: ему мешает процесс мышления, который существует в человеке независимо от его воли. Анализируя, Рокантен начинает понимать значение мышления человека: именно мысль порождает и возобновляет существование, и именно она отчуждает его от самого себя. В дневниковых записках Рокантена нетрудно увидеть набросок экзистенциального мировосприятия: случайность и абсурдность действительности, существование как переживание этой случайности, а отсюда и мучительности существования.

О «случайности бытия» размышляет и Тургенев. Быть может, стилистические особенности его прозы воспринимаются несколько иначе, чем повествовательная ткань «Тошноты», но мысли, которые он высказывает в своем творчестве, явно перекликаются с сартровскими. Вот он пишет П. Виардо в 1848 году: «Жизнь — эта красноватая искорка в мрачном и немом океане Вечности!!! — это единственное мгнове-

²¹ Там же. С. 163.

²² Там же. С. 165–166.

ние <...>»,²³ или Е. Е. Ламберт в 1862 году: «Будем пользоваться тем невеселым фактом, что мы вообще попали на нашу планету <...>». ²⁴ В «Поездке в Полесье» (1857) рассуждения тургеневского героя о «случайности» человека, его «ничтожности» в сравнении с могущественной и безучастной природой звучат и вовсе по-экзистенциалистски: «Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, — трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды; <...> он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность — и с торопливым, тайным испугом обращается он к мелким заботам и трудам жизни <...>». ²⁵

Эти немногочисленные примеры обнаруживают сходство мысли и даже лексики в рассуждениях Тургенева и Сартра: «существо единого дня» Тургенева — это тот, кто у Сартра «появился из неоткуда и уйдет в никуда». Герою Тургенева трудно переносить «холодный» взгляд Изиды; галка, корень каштана, сады — все, относящееся к природе, вызывает чувство страха и тошноты у Рокантена; одиночество и свою случайность в этом мире ощущают герои обоих писателей.

Задумывается о случайности существования и нигилист Базаров. Правда, еще совсем недавно он не допускал вопросов о смысле собственной жизни, считая это пустым философствованием. Но после посещения Одинцовой, он, пожалуй, впервые задается вопросом, кто он и откуда. И вот он уже рассуждает как философ: «Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет...». ²⁶ Базаров, как Рокантен, мучительно переживает случайность и абсурдность своего появления в мире, свою ненужность этому миру. А вскоре ему, как и Рокантену, придется признать, что «экзистенция не необходимость» тогда, когда и Базаров ощутит себя «существом единого дня». Порез пальца стал причиной его скоропостижной смерти. ²⁷ Так человек сильный, большого ума и воли сокрушен в один момент.

Эта смерть поражает, она не соответствует такому персонажу, как Базаров: ведь он всегда полагал, что имел особые права на существование. Но надо отдать должное мужеству героя, который в последнем разговоре с Одинцовой честно признается, что смерть — единствен-

²³ ПССиП(2). Письма. Т. 1. С. 390. Подлинник по-франц.

²⁴ Там же. Т. 5. С. 128.

²⁵ Там же. Соч. Т. 5. С. 130.

²⁶ Там же. Т. 7. С. 119.

²⁷ Проблема случайности и абсурдности человеческого бытия тесно связана и с темой смерти, к которой Тургенев беспрестанно возвращается в своем творчестве; квинт-эссенцией раздумий по поводу приближающейся смерти являются его «Стихотворения в прозе»: «Старуха», «Старик», «Конец света (Сон)», «Собака», «Что я буду думать?..» и другие.

ный противник, перед которым ему приходится пасовать: «Эх, Анна Сергеевна, станемте говорить правду. Со мной кончено. Попал под колесо. <...> Старая шутка смерть, а каждому внове. До сих пор не трушу...». ²⁸ И далее: «Вы посмотрите, что за безобразное зрелище: червяк полураздавленный, а еще топорщится. И ведь тоже думал: обломаю дел много, не умру, куда! задача есть, ведь я гигант! А теперь вся задача гиганта — как бы умереть прилично, хотя никому до этого дела нет... Всё равно: вилять хвостом не стану». ²⁹ Именно скоропостижность смерти убеждает Базарова в абсурдности жизни. Ему становится очевидно, что даже такому «гиганту», как он, невозможно ответить на конечные вопросы человеческого бытия, даже его нигилизм отступил, не справившись с такой задачей: «Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает, и баста!». ³⁰

Тургенев не способен решить проблему смерти. Она была для писателя «глухонемой», «слепорожденной силой», абсолютно равнодушной к человеку. В повести «Довольно», которую Тургенев написал вскоре после появления в печати «Отцов и детей», можно прочитать следующие строки: «Истина — не полная истина — о той и помину быть не может, но даже та малость, которая нам доступна, замыкает тотчас нам уста, связывает нам руки, сводит нас „на нет“. Тогда одно остается человеку, чтобы устоять на ногах и не разрушиться в прах, не погрязнуть в тине самозабвения... самопрезрения: спокойно отвернуться ото всего, сказать: довольно! — и, скрестив на пустой груди ненужные руки, сохранить последнее, единственно доступное ему достоинство, достоинство сознания собственного ничтожества <...>». ³¹ Последним желанием Базарова было «умереть прилично». Он также сказал: «И довольно! <...> — как и герой упомянутой выше повести. — Теперь... темнота...». ³²

Рокантен Сартра вторит Базарову Тургенева. Только он знает наверняка, что не существует ни прошлого, ни настоящего, «не существует ни Юности, ни Зрелости, ни Старости, ни Смерти...», «все на свете является только тем, чем оно кажется, а За Ним... ничего», да и сам он давно «живой мертвец». ³³ Сартр-философ, создатель Рокантена, проявляя меньше эмоций, чем его герой, но больше чувства реальности, признает «фактичность», т. е. случайность появления человека в мире и подчеркивает, что эта случайность абсолютна. Рождение не менее случайно для человека, чем смерть, утверждает он и при этом заявляет: «Абсурдно, что мы родились, абсурдно, что мы умрем». ³⁴

²⁸ ПССуП(2). Соч. Т. 7. С. 182.

²⁹ Там же С. 183.

³⁰ Там же. С. 178.

³¹ Там же. С. 226.

³² Там же. С. 183.

³³ Сартр. С. 153, 126, 194.

³⁴ Sartre J.-P. L'Être et le Néant. P. 125.

Остро ощущающий свою потерянную в мире, Рокантен испытывает и духовный кризис. Это состояние можно было бы объяснить бесцельным, бесплодным бытием героя Сартра, жизнь которого не приносит радости ни ему, ни другим, ни в ком не вызывает сочувствия. Как рантье он выключен из практического действия, и поэтому ему чужды все социальные сословия, у него нет никаких привязанностей. Его болезненное внимание к мельчайшим движениям своего сознания возникает также не на социальной почве. «Тошнота» породила не только новые взаимоотношения с деревьями, парками, морским берегом, она поставила его в новые отношения с людьми, выработала новый взгляд на них.

Его поведенческая линия по отношению к Другим (термин философии экзистенциализма) опирается скорее на метафизические принципы. Он осознал, что из всех людей лишь он один раскрыл смысл существования. Он знает, что жизнь ему дана «ради Ничего», что нет «в моей жизни больше никакого смысла». Все это знает он — Один. Все остальные, живущие не только в Бювиле, но и на всей земле, не догадываются об этом.³⁵ В глубине души он презирает людей, так как они легкомысленны, лицемерны, самодовольны, легковесны: они не задумываются над смыслом жизни. Все это порождает в Рокантене отчуждение: он глубоко чувствует свое безысходное одиночество и в то же время свою особость, он начинает отвергать гуманистические абстракции и, наконец, понимает, что он — «антигуманист».

Базаров, как и Рокантен, — социальный «бобыль» (термин В. М. Марковича), для него также трудно найти родственную социальную среду, вероятно, она где-то существует, но она не показана в романе Тургенева. О Петербурге, коллегах по учебе ничего не известно: Базаров нередко говорит от первого лица множественного числа, но кто эти «мы»? В этом «мы» трудно признать Аркадия Кирсанова, а уж тем более Ситникова или Кукушину. Базаров никогда не думает об этих людях, в общении с ними нуждается мало. Если к Аркадию он относится снисходительно, то к другим, скорее всего, пренебрежительно. Тем не менее оба персонажа достаточно активны. Они много трудятся. Рокантен «оправдывает свое существование» тем, что работает над созданием романа. Эта идея — написать роман — представляется ему реальным занятием. Цель тургеневского героя более амбициозна: его задачей является переделка мира. Он вынашивает в себе некий глобальный проект, ни с кем не обсуждая его детали. В спорах со старшим Кирсановым он явно на что-то намекает, не раскрывая при этом своих задач. Но реальным его занятием является препарирование лягушек, и это противоречие вызывает иронию Павла Петровича.

Базаров, как и Рокантен, отчужден от общества и совершенно одинок: его не понимают и даже побаиваются родители, семейство Кирсановых, в чем-то даже Аркадий. Базаров, как и Рокантен, знает се-

³⁵ Сартр. С. 195–197.

бе цену. Оба они иногда с презрением, чаще свысока смотрят на окружающих их людей (в разговорах с Кирсановыми Базаров ведет себя дерзко, отвечает на вопросы нехотя, с иронией; отношение к родителям более терпеливое, но натужное, их любовь и забота тяготят его), понимая свое превосходство. Базаров честно признается Аркадию, что ему нет никакого дела до счастья других, что он не знает человека, перед которым бы он мог спасовать. «Самолюбие и гордость» Базарова, считает В. Я. Линков, носят «метафизический» характер: «Негативное отношение к окружающему социальному миру, в котором нет ничего, что бы заслуживало не только благоговения и восхищения, но даже простого одобрения, и питает гордость „нигилиста”». Все отрицать, ни перед чем не преклоняться — это и означает чувствовать свое превосходство и тем самым приобщаться к всеобщему».³⁶

Базаров (к этой категории людей отнесем и Рокантена) как новоявленный человек ощущает необходимость творить *ex nihilo*³⁷ если не сам мир, то, во всяком случае, какие-то основы соприкосновения с ним, поминутно воссоздавая «из ничего» новые взаимоотношения с миром. Помимо вещей в этом мире существуют и Другие, добавим, люди. Каковы же взаимоотношения наших героев с Другими?

Напомним, что Рокантену чужды все люди, да он и не стремится к сближению с ними. Другой для него, как и для его создателя Сартра, враждебен его Я. Базаров, как Рокантен, ощутив абсурдность бытия, осознает свое место в универсуме, который противостоит ему. Отсюда и его нигилистическая позиция по отношению к Другим, что дает возможность выглядеть Базарову вполне экзистенциальным персонажем.

Чтобы прояснить философский тезис экзистенциализма «Я и Другие», обратимся к пьесе Сартра «За закрытыми дверями» (1945), действие которой происходит в аду, куда один за другим попадают мужчина по имени Гарсен и две женщины. Гарсен в первый момент удивлен: ад представляет собой помещение, напоминающее ему меблированную комнату дешевой гостиницы. В ней нет атрибутов ада: жаровни, колья и т. д. Но трое персонажей, будучи заперты в одной комнате, вскоре станут испытывать мучительное состояние. Оказывается, в этом повинен взгляд Другого, который создает чувство зависимости. Именно во взгляде Другого происходит объективизация Я, что дает этому Я возможность судить о себе самом и самого себя. Именно это порождает конфликтную ситуацию в пьесе, что позволяет Гарсену в итоге признаться: «Нет нужды в жаровне, ад — это другие».³⁸

В интервью журналу «Экспресс» (11–17 октября 1965 г.) Сартр пояснял свою формулу «Ад — это Другие», которую, как он считал, все-

³⁶ Линков В. Я. Тургенев — писатель социального реализма // Тургеневские чтения. М., 2006. Вып. 2. С. 21.

³⁷ Напомним, что для экзистенциалистов первым теоретическим постулатом является идея разрушения «вселенной объектов» и обретение «вновь», в противовес ей, истинных «вещей» в их неискаженном виде.

³⁸ Сартр. С. 536.

гда недопонимали: «Я хотел сказать, что если отношения с другим запутаны и порочны, то другой может быть только адом... Другие же, по сути дела, являются тем, что есть самого важного в нас самих, для нашего собственного познания нас самих».³⁹

Из этих пояснений становится понятным, почему жизнь в доме Кирсановых привела Базарова к дуэли с Павлом Петровичем, почему жизнь в родном доме была для него тягостной и скучной, а пребывание в доме Одинцовой вскоре породило тревогу и раздражение в его душе. Непроходимая грань между Базаровым и Другими очевидна и из его разговора с Аркадием. В XXI главе Базаров рассуждает о ничтожестве личности перед вечностью и беспредельностью вселенной: «Позволь тебе заметить, — вставляет Аркадий, — то, что ты говоришь, применяется вообще ко всем людям...». «Ты прав, — подхватывает Базаров. — Я хотел сказать, что они вот, мои родители то есть, заняты и не беспокоятся о собственном ничтожестве <...> а я... я чувствую только скуку да злость».⁴⁰ Это рассуждение напоминает рокантеновские суждения о толстокожих людях, которые не догадываются о бренности существования (хотелось бы только отметить, что француз Рокантен выглядит намного деликатнее своего русского коллеги по отчуждению). Философские размышления Базарова приводят его к такому же холодному отчаянию, какое испытывал Рокантен. Видимо, это и поддерживает в них чувство непревзойденного превосходства.

Известно, что любовь — испытанное средство спасения героев от метафизического «невроза». И Тургенев, и Сартр предлагают своим героям проверить его на себе. В цитируемой выше XXI главе Базаров, как и подобает экзистенциальному герою, подвергает сомнению любые чувства, любовь он воспринимает как чувство неподлинное, лживое и сразу же принимается за его разоблачение. В частности, рассуждая о любви, он принимает сам любовный акт, но не условности, которыми обрамляют это чувство. Только любовный акт, по его мнению, имеет полное право на существование, ибо это потребность физиологическая, не обусловленная никаким «культурным» концептом.

Рокантен, как и Базаров, к физиологии относится также с большим уважением (как и ко всем физиологическим позывам, например, тошноте), но в отличие от русского нигилиста он не прочь любить и быть любимым. Но испытал ли Рокантен истинную любовь, сказать сложно. Во всяком случае, он был чрезвычайно привязан к своей возлюбленной Анни. Молодые люди расстались, видимо, по ее желанию. И только спустя много лет Рокантен, уже испытавший «тошноту», задумывает встречу с Анни, надеясь на то, что любовь поможет ему вновь обрести смысл жизни. Но его бывшая возлюбленная воспринимает мир точно так же, как и Рокантен. Она его уверяет, что испытала «тошноту» еще до разлуки с ним, и поэтому она уже давно живет, окруженная только

³⁹ Contat M., Rybulka M. Les écrits de Sartre. P., 1970. P. 101.

⁴⁰ ПССУП(2). Соч. Т. 7. С. 119.

умершими страстями, понимая, что это ее удел. Анни дает понять Рокантену, что в нем она больше не нуждается.

Базаров как истинный нигилист, изначально отвергая чувство любви между мужчиной и женщиной, считал, что его могла увлечь только физическая красота женщины. Он рассуждает о красоте, исходя из естественнонаучных представлений о ней. Однако встреча с Одинцовой изменила его отношение и к красоте, и к любви. Он влюбился с первого взгляда, его чувство обострилось при посещении Одинцовой, но он был сдержан, понимал неоднозначность ситуации, в которую попал. Что же Одинцова? Базаров — новый человек в ее окружении, и ей хочется добиться его внимания и, может быть, даже большего — преклонения перед ней. Именно ее настойчивое желание добиться от Базарова большего проявления чувств к ней приводит к конфликту между ними. Он возникает тогда, когда они остаются наедине и ведут беседу на щекотливую для обоих любовную тему. Выяснение отношений приводит к эмоциональному взрыву: Базаров, испытывая страсть, стал задыхаться, его страсть была «тяжелой и злобной», он стал дерзок и — даже «привлек ее к себе на грудь». Одинцова умела лучше владеть собой, она покинула Базарова только после разговора и потом «всё ходила взад и вперед по своей комнате, <...> останавливаясь то перед окном, то перед зеркалом»; вспоминала его «зверское лицо». Потом «она увидела себя в зеркале; ее назад закинута голова с таинственной улыбкой на полузакрытых, полураскрытых глазах и губах <...>». Смотря в зеркало, Анна Сергеевна испытала «различные смутные чувства»: «...она заставила себя дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за нее — и увидела за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразие».⁴¹

Обратим внимание на роль взглядов, которыми обмениваются герои, о них упоминает автор и в вечернем разговоре, и в разговоре на следующее утро,⁴² и как смотрит на себя Одинцова в зеркало (важная деталь: зеркало — это тот же взгляд).

Если бы Одинцова мыслила как философ-экзистенциалист, то она рассуждала бы, вероятно, следующим образом: «будучи свободным бытием, я не могу спокойно и безропотно относиться к отчуждению моей свободы Другим». Безусловно, в этой ситуации Другой — это Базаров. Именно он мог посягнуть на ее свободу, что было невыносимо для нее.

Эти сцены в романе «Отцы и дети» очень напоминают теоретические выкладки Сартра в «Бытие и ничто», в главе «Конкретные отношения с Другим». В соответствии с феноменологическим методом Сартр ищет в человеческом сознании такую его «позицию», которая непосредственно свидетельствовала бы о существовании Другого. В этой связи он обращает внимание на такие эмоциональные «пози-

⁴¹ Там же. С. 98–99.

⁴² Там же. С. 96–100.

ции», как стыд, гордость, страх. Этих эмоций человек не испытывает перед неодушевленными вещами. Они возможны только при существовании других людей. Стыд, поясняет Сартр, возникает тогда, когда Другой знает меня, а это знание выражается во взгляде Другого (вспомним о переживаниях Одинцовой и о стыде, который она испытывала, разглядывая себя после разговора с Базаровым). Раскрытию значения этого взгляда посвящены десятки страниц в его трактате. Взгляд Другого, пишет Сартр, может быть устремлен не только на меня, но и на мир, но мой взгляд также создает мир, мой мир. Когда появляется взгляд Другого, то он разрушает мой мир, дезинтегрирует его, придает ему новое единство. Своим взглядом Другой «крадет» у меня мой мир. Другой при этом посягает не только на находящиеся передо мной вещи, но и на меня самого. Согласно Сартру, возникает острый конфликт между моим взглядом и взглядом Другого. Что-то похожее произошло между Базаровым и Одинцовой.

В этой же главе Сартр разъясняет, что одновременное бытие в качестве субъекта и объекта является божественным бытием. Поскольку у человека есть желание испытать такое бытие, это означает, что человек всегда стремится стать богом. И, конечно же, это желание проявляется прежде всего в любви. Базаров оказался не в состоянии «добиться толку» в любви, но и «отвернуться» не смог. Нигилистические суждения Базарова потерпели крах: он влюбляется в Одинцову той самой любовью, которую совсем недавно отвергал. Значит, божественное бытие ему не удастся испытать, зато Одинцова приближается к сартровскому пониманию «божественной» любви: «По-моему, или всё, или ничего. Жизнь за жизнь. Взял мою, отдай свою, и тогда уже без сожаления и без возврата. А то лучше и не надо».⁴³ Такое понимание любви требует, с одной стороны, признания собственной личности, но, с другой — способности отречения от нее. Другое дело, что Одинцова не способна к такой любви. «Собственно, ей ничего не хотелось <...>», — констатирует автор.⁴⁴

Согласно Сартру, во взаимоотношениях между Базаровым и Одинцовой конфликт возник потому, что Базаров волею или неволею требовал от Анны Сергеевны не только любви: у него должно было возникнуть желание ассимилировать и ее свободу. Базаров испытал мучительную зависимость (несвободу) от чувств, реакций, поступков Другого. Он поминутно ощущал, как любой взгляд, улыбка, слово Анны Сергеевны совершали переворот в его душе. Отсюда и выросла та «злоба», которая бросилась в глаза Одинцовой. Эта злоба рождается из-за бессилия, уязвимости, связанности тургеневского героя. Собственно говоря, именно с этого момента Базаров теряет душевный покой, уверенность в своих делах и идеалах и, конечно, свободу. С другой стороны, если следовать рассуждениям французского философа, Одинцо-

⁴³ Там же. С. 93.

⁴⁴ Там же. С. 84.

ва тоже хотела бы, чтобы ее любили, но не по принуждению, ее сознание должно было остаться незатронутым в своей свободе. А читатель знает, что характер Анны Сергеевны был «свободный и довольно решительный».⁴⁵

В книге «Бытие и Ничто» Сартр постоянно говорит о понятии свобода, поясняя, что свобода может быть только в конкретной «ситуации», а, в свою очередь, понятие «ситуации» может быть реализовано только через свободу. Разрабатывая новую эстетику для театра, философ обосновывает и необходимость «исследовать ситуации, наиболее общезначимые для человеческого опыта, т. е. с которыми большинство людей хоть раз да встречается в своей жизни».⁴⁶ Сартровский термин «человек в ситуации» четко формулируется в книге «Бытие и Ничто»: находясь во власти повседневных забот, человек должен постоянно превосходить ту или иную ситуацию, отрицая имеющуюся и создавая новую. И при этом не забывать об окружении чуждых ему вещей.

С момента создания книги «Бытие и ничто» вся философия Сартра концентрируется вокруг проблемы понимания человеческого бытия как сознательной, свободной и преобразующей деятельности. Эта философская установка Сартра, как нам кажется, могла бы быть близка Тургеневу, так как «события» (ситуации) в его романах — «главный элемент, что делает жизнь героев осмысленной».⁴⁷ Этих ситуаций в романе «Отцы и дети» достаточно много, они прекрасно известны. Одна из них — это любовь Базарова к Одинцовой.

До встречи с Одинцовой Базаров был абсолютно свободным человеком: в науке, философии, по отношению к авторитетам, принятым нормам поведения, национальным традициям. Его ум противился любым заданным предпосылкам и окончательным решениям. Это неотъемлемое свойство его мышления. Поэтому он не склонен, отвергая старые теории, доверяться новым. Он хочет сохранить свободу и живой контакт с реальностью. Базаров уверен, что только свободный человек может полновластно распоряжаться своими помыслами, чувствами и стремлениями. Не удивительно, что Базаров не признает никакой законодательной силы, стоящей над ним и имеющей право определять его жизненную цель. Это такой тип героя, который формирует новый тип культуры, при этом оставаясь свободным по отношению к ней.

Что же произошло с его свободой, когда он влюбляется в Одинцову? Создается впечатление, что он ее потерял. Так можно считать, если позабыть об огромном, несовместимом с обычными мерками самолюбия героя Тургенева (Павел Петрович обвиняет Базарова «в гордости почти сатанинской»), Аркадий отмечает «всю бездонную пропасть база-

⁴⁵ Там же. С. 73.

⁴⁶ Сартр. С. 15.

⁴⁷ Лихов В. Я. Тургенев — писатель социального реализма. С. 16.

ровского самолюбия»). Высокое мнение о себе дает ему возможность чувствовать такое превосходство, которое означает право требовать и ненавидеть. Требования его почти что беспредельны, и этот непримиримый максимализм восстанавливает его же против собственных чувств, желаний, поступков. Если для Павла Петровича любовная драма может стать источником самоуважения, то для Базарова такая же драма — полное унижение, позорная слабость. От столкновения с реальностью категоричность требований в конечном итоге возрастает, и Базаров, преодолевая одну из «ситуаций» (в данном случае любовную), предложенную автором романа, оказывается, пользуясь терминологией Сартра, «осужденным на свободу».

Уточняя понятие свободы, Сартр пишет в «Бытии и Ничто»: «формула „быть свободным” не означает достигать того, что хотя», но означает «определяться к хотению (в широком смысле „выбирать”) самому».⁴⁸ По мнению Сартра, лишь вульгарное понимание свободы отождествляет ее со способностью достигать намеченные цели. Если рассматривать понятие «свободы» в аспекте отношений между целью и результатом действия, то можно выделить три различных значения: во-первых, свобода означает способность выбора своих целей; во-вторых, она означает способность действовать ради достижения этих целей; в-третьих — способность человека достигать поставленные цели. Только совокупность этих аспектов, считает Сартр, позволяет говорить о человеческой свободе как реальности.

Отвлекаясь от теоретических выкладок и возвращаясь к конкретным текстам — «Тошноте» Сартра и «Отцам и детям» Тургенева, — можно предположить, что преодоление «любовной ситуации» оказалось трагичным как для Рокантена, так и для Базарова. После встречи с Анни Рокантен возвращается в Бювиль с чувством бесконечного одиночества: «Мое прошлое умерло. <...> Анни вернулась только для того, чтобы отнять у меня всякую надежду. Я один на этой белой, окаймленной садами улице. Один — и свободен. Но эта свобода слегка напоминает смерть».⁴⁹ У Базарова, после возвращения в дом родителей, остается только одна перспектива, несмотря на то, что способность действовать он не утратил, — одиночество, полная свобода в поисках совершенства и, в конце концов, реальная, а не метафизическая, как у Рокантена, смерть от нелепой случайности.

В качестве вывода хотелось бы отметить, что свобода любого героя художественного произведения в известной степени иллюзорна, однако в рамках общей художественной иллюзии возможен разговор об иллюзии подлинной и мнимой свободы. В нашумевшей некогда критической статье «Г-н Франсуа Мориак и свобода» (1939) Сартр писал: «Вы хотите, чтобы ваши персонажи жили? Так сделайте их свободными. Важно не определять и, тем более, не объяснять (в романе даже самый

⁴⁸ Sartre J.-P. L'Être et le Néant. P. 563.

⁴⁹ Сартр. С. 194.

лучший психологический анализ пахнет смертью!), а всего лишь показывать непредвиденные страсти и действия». ⁵⁰

В случае с Рокантемом надо признать, что его «тошнота» обусловлена целостностью философского тезиса Сартра. Его герой уникален среди рантье по своему ощущению экзистенции, однако «тошнота» нашла Рокантена, так как он есть плод философской рефлексии. Герой Тургенева, несмотря на свой нигилизм, выглядит отнюдь не философской абстракцией, но полнокровным персонажем, склонным к рефлексии. В этом значительность Тургенева-художника: самые глубокие размышления о человеке и бытии ему всегда удавалось облечь в высокохудожественную образную форму.

⁵⁰ Sartre J.-P. Situations. P., 1964. T. 1: Essais critiques. P. 37.